

• ГЛАВА 1 •

Яркий красный мяч качался в синих-синих, неправдоподобно синих волнах, напоминая картинку из чудесной детской книжки со стихами, которые папа читал ей под торшером с голубым абажуром. Тень от абажура падала на страницы книги, и море оживало, и она все время, что лежала на пляже турецкого отеля, вспоминала ту ожившую картинку, которая теперь казалась ей в тысячу раз лучше, чем настоящее море.

Она ненавидела Турцию. Ненавидела. Ненави-де-ла.

«Даша, — сказала ей мама, — тебе нужна перемена обстановки. Отдохни, успокойся, пофлиртуй с кем-нибудь, в конце концов. Поезжай».

Действительно, перемена обстановки была бы очень кстати, но ведь подразумевалось, что обстановка будет меняться на ЛУЧШУЮ, никак не наоборот. А из этой поездки, о которой Даша уже успела несколько раз пожалеть, вырисовывалось нечто совершенно непонятное.

Неприятности начались еще в аэропорту. Когда они с Алиной, уставшие от четырехчасового перелета, от сидения в неудобной позе в

стареньком «Иле», от шумных пассажиров на соседнем сиденье («Ой, девушки, а вы в каком отеле остановитесь? Ну, ждите в гости, навеситим!»), наконец попали в здание турецкого аэропорта, то были уверены, что через час, максимум полтора, уже будут в своем номере распаковывать вещи. Во всяком случае, так обещал им представитель компании «Отдых-класс», которую рассерженная Алина несколько раз помянула недобрым словом. Когда, оказавшись на турецкой таможне, они увидели огромную очередь к четырем окошкам, Даша ахнула:

— Господи, Алина, сколько людей! Они что, все русские?

— Да нет, конечно, ты прислушайся и посмотри на них.

Действительно, Даша тут же уловила в общем потоке шума итальянскую и немецкую речь. В основном все-таки немецкую, определила она. А оглядевшись вокруг, подумала: «Похоже, в Турции отдыхают только русские и немцы». Огромная толпа с сумками и детьми пыталась упорядочить саму себя и выстроить очереди к таможенникам. То и дело в толпе раздавалась сдержанная ругань, очереди перемешивались, а тем временем из терминалов появлялись все новые и новые туристы.

— Эй, парни, давайте сюда! — крикнул в сторону здоровый красномордый мужик, которого Даша запомнила еще по самолету. Он сидел недалеко от них, без конца требовал у стюардесс долить ему спиртного, и приятели уважительно обращались к нему «Василь Семеныч».

6 — Смотри, — заметила Алина, — немцы без

восторга восприняли очаровательную русскую привычку кому-то одному занимать очередь, а потом с криком «они со мной!» тащить к себе весь состав самолета.

— Насчет всего самолета не уверена, — рассмеялась Даша, — но в основном ты права. Может, и нам с тобой примазаться к кому-нибудь?

— Фи, Даша, ты же относительно интеллигентная девушка, — фыркнула Алина. — Откуда такой жаргон? Во-первых, обременять мы никого не будем,ждемся своей очереди, а во-вторых, посмотри-ка, кажется, итальянцы положили конец русской халяве.

Даша молча проглотила «относительно интеллигентную девушку» и вынуждена была признать правоту Алины. В конце соседней очереди, уже почти подойдя к заветному окошку, молодая итальянская пара скандалила с другой группой русских парней, пытавшихся пройти за одним из своих приятелей. Итальянец быстро и очень раздраженно говорил что-то, обращаясь ко всей компании сразу, те в ответ пожимали плечами и показывали на своего товарища, махавшего им рукой из-за таможенной будки. На чьей стороне перевес, Даше было совершенно очевидно: уже двое парней с невозмутимыми физиономиями протиснулись к окошку таможенника и доставали документы. Но тут вмешалась девушка-итальянка. Не сказав ни слова ни своему другу, ни парням, она торопливо подошла к турку в форме, безучастно стоявшему около стены, и что-то произнесла. Даша с интересом следила за результатом. К ее удивлению, полицейский подошел к спорящим, двумя взма-

хами руки предложил Дашиным соотечественникам разойтись и подвел итальянцев к окошку регистрации. Те двое, что уже достали паспорта и билеты, попытались изобразить на лицах праведное возмущение, но чиновник за окошком вернул им документы и, не обращая на них внимания, занялся итальянцами. Помявшись некоторое время, парни побрели в конец очереди.

— Вот так-то вот, — задумчиво произнесла Алина. — А еще говорят о пофигизме турок.

У Даши язык чесался сказать что-нибудь про пофигизм и жаргон, но она промолчала. Недолгое знакомство с Алиной уже научило ее не спорить с приятельницей, тем более что и приятельницей-то она была весьма условной.

После двух часов стояния на таможне Алина с Дашей наконец-то получили свои проштампованные паспорта и отправились искать фирменный автобус. Большие красные буквы «Отдых-класс» первой заметила Даша.

— Смотри, какой автобус большой, — удивилась она. — Неужели столько туристов в один отель едет?

Алина нахмурилась и ничего не ответила. В автобусе было полно свободных мест, и когда они сели, выяснилось, что теперь водитель будет ждать всех остальных туристов, которые в настоящий момент еще проходят регистрацию.

— Послушайте, — возмутилась Алина, — это же еще как минимум час!

— Он делает то, что ему говорят, — отозвался хмурый мужик, о чем-то разговаривавший с водителем по-турецки. — Хотите выяснять отношения, идите вон к тем ребятам, — и он пока-

зал на светловолосую девушку лет двадцати и сутулого полноватого парня чуть постарше, стоявших недалеко от автобуса.

Алина вышла из автобуса, подошла к парочке и о чем-то поговорила несколько минут. Даша видела в окно, как она пожала плечами, повернулась и пошла обратно к автобусу.

— Бесполезно, — сказала она, усаживаясь рядом с Дашей на первый ряд кресел, — пока не посадят всех, автобус не поедет. Они, конечно, предлагают взять такси за свой счет и доехать самим, но честно предупреждают, что фирма не будет оплачивать расходы. Кстати, если ты думаешь, что мы едем только в нашу «Сафиру», то ошибаешься: они набрали туристов как минимум еще в пять мест.

Быстро стемнело. Уставшая после перелета Даша то начинала дремать, то просыпалась, когда в автобус поднимались шумные пассажиры, и дерганый полусон утомлял ее не меньше, чем утомляло бы бодрствование. В какой-то момент она посмотрела на часы: они сидели в автобусе уже час двадцать.

Наконец в автобус поднялась последняя пара, и симпатичная девушка-гид объявила отправление.

Автобус выехал из ночной Анталии и бодро покатил по гористой местности. Даша, никуда не выезжавшая дальше Крыма, с любопытством смотрела в окно, но видела только яркие огни, сливавшиеся по мере того, как автобус набирал скорость, в размытые полосы.

Странно, но из семи отелей, у которых останавливался автобус, ни один не обладал пол-

ным сходством со своими изображениями на глянцевых рекламных проспектах, которые Даше в огромных количествах демонстрировали в офисе «Отдых-класса» в Москве. И вместе с тем было совершенно очевидно, что отели те же самые. Но в одном случае фотография была сделана так, чтобы даже намек на пролежавшую рядом шумную дорогу не попало в объектив. В другом на снимке был «небольшой, тихий и уютный отель», но без своего соседа — шестизвездочного гиганта, в котором оглушительно играло что-то залихватское. То вдруг выяснялось, что у отеля, лампы и гирлянды которого блистали на фото всеми красками радуги, в реальности из освещения оказывался лишь фонарь у входа, а штукатурка на стенах отеля была готова раскрыть вам все тайны старинного турецкого зодчества прямо здесь и сейчас.

— Слушай, просыпайся. Кажется, подъезжаем, — толкнула Даша Алину.

— Неужели «Сафира»? — приподняла та взлохмаченную голову с надувной подушки, и Даша в очередной раз позавидовала цвету ее волос — пепельных, неуловимо меняющих оттенок с серебристого на светло-русый. Причем как-то сразу становилось понятно, что это не очередное достижение колористов компании «Велла», а свое собственное сокровище.

— Внимание, отель «Сафира»! — раздался усиленный динамиками голос девушки-гида. — Пожалуйста, не забывайте свои вещи.

Потягивающиеся туристы вышли из автобуса, и Даша обратила внимание на группу, возглавляемую Василь Семенычем: они тоже по-

кинули салон и теперь пристально рассматривали небольшое здание отеля. «Надеюсь, они поселятся не в соседнем номере», — мысленно пожелала Даша и, подхватив небольшую сумку, вошла вслед за гидом в холл.

— Пожалуйста, встаньте около ресепшена, — громко сказала гид по имени Маша, — и приготовьте паспорта и билеты. Завтра утром я приеду посмотреть, как вас расселили, а пока желаю всем удачной первой ночи в Турции.

Нестройный хор голосов бодро ответил «спасибо», кто-то пытался неудачно пошутить про первую ночь, и группа осталась предоставлена самой себе. Неприятности начались с первой же пары, которой улыбающийся клерк предложил номер в подвале. Дальше пошло еще хуже: кого-то поселили в двухместном номере вместо трехместного, кому-то достался номер с неработающим душем... На все попытки «качать права по-русски» турок недоуменно разводил руками и делал круглые глаза. Попытка Алины поговорить с ним по-английски успехом не увенчалась.

— Все он понимает, — сказала разозленная Алина, подходя к Даше, — просто притворяется пленом.

— А почему вообще возникли проблемы с номерами? — шепотом спросила Даша. — Посмотри, туристов в холле не так уж и много.

— Господи, Даша, а сколько же еще их должно быть в первом часу ночи? Все по своим номерам сидят. Как я поняла из объяснения этого гоблина, получилась накладка: нас привезли, а предыдущая группа еще не успела уехать. Поэтому пока нас вроде бы расселяют в

какие-то запасные номера, а потом переселят в нормальные. Во всяком случае, именно это обещает администрация гостиницы. А всем несогласным, кому места не достаются, они предлагают подождать в холле, когда номера освободятся. Как тебе такая перспектива?

— Не очень, — вздохнула Даша. — Ладно, давай посмотрим, куда нас денут.

К ее недоумению, носильщик вынес их вещи из холла и отправился вдоль по улице.

— Слушай, он не обратно к аэропорту пешком пошел? — негромко спросила Даша у Алины.

— Да нет, — отозвалась та, — скорее всего, здесь рядом или какой-то корпус, или вообще другой отель, с которым у «Сафиры» договоренность по поводу вот таких, как мы. Сейчас все увидим.

Носильщик подошел к белому зданию, на котором красовалась надпись «Kotrei», вошел во внутренний дворик и начал подниматься по скрипучей деревянной лестнице. Дойдя до второго этажа, он широким жестом обвел здание отеля, видимо, предлагая восхититься красотами турецкой архитектуры.

— Ты давай номер нам показывай, — заметила невежливая Алина, — а не комаров разгоняй. На лачугу мы еще успеем за двенадцать дней насмотреться. Вот черт, у нас еще и номер крайний.

Парень открывал крайнюю дверь с номером девять.

— А почему это плохо? — удивилась Даша.

— Да потому, что возле нашей двери лестница, по ней постоянно будет кто-то топать,

будут падать и орать чьи-то дети. Короче, все мне не нравится.

Алина зашла в номер, осмотрелась и кивнула носильщику на дверь. Тот положил ключи на полку и вышел.

— Разве мы чаевые не должны были ему дать? — робко поинтересовалась Даша. — Он ведь наши сумки по всему кварталу нес.

— Да хоть по всему городу! — сердито отозвалась Алина. — Я вообще не собираюсь оставлять в таком паршивом месте лишние деньги.

Даша промолчала и принялась осматривать номер.

Это был самый обычный, однокомнатный номер с большим окном и балконной дверью, со стандартным набором мебели: стул, кресло, телевизор, холодильник и, конечно же, кондиционер, без которого в здешнем климате о комфорте можно было забыть.

Как и в большинстве обычных гостиничных номеров, на стенах висели картины, которые не назовешь безвкусными, но которые навсегда исчезают из памяти сразу же, как только выходишь за дверь. Как и в большинстве обычных гостиничных номеров, менее всего была продумана ванная комната — зеркало присутствовало, но чтобы в него взглянуть, приходилось склониться в церемониальном китайском поклоне, полочка под косметику по размерам могла уместить лишь тюбик с зубной пастой, а шторка перед ванной и вовсе отсутствовала.

Последнее обстоятельство почему-то расстроило Дашу больше всего. Даже ночная дискотека, канонаду которой тонкие стены и еще

более тонкая дверь номера и не пытались приглушить, не повергала ее в такое отчаяние. Даша не могла представить себе, как можно мыться без шторки. Для нее это было равносильно появлению обнаженной в зале посреди приема — был в одном из старых хороших фильмов такой эпизод. Одна мысль о том, что все следующие десять дней ей придется принимать душ подобным образом, немедленно вогнала ее в краску.

Однако уставшее после перелета и долгого сидения в автобусе тело требовало внимания. Перебросившись с Алиной несколькими фразами, Даша прикрыла за собой дверь в ванную и воровато, как ей показалось, открыла воду.

Душ действовал менее освежающе, чем обычно. Собственная кожа показалась Даше после душа севшей на полразмера.

А вот постельное белье было на удивление мягким и приятным. Повалившись на кровать, Даша попыталась убедить себя, что она уже спит. Обычно такой аутотренинг помогал — организм сам с удовольствием попадался на нехитрую наживку и, казалось, только и ждал того момента, когда ему скамандуют притвориться спящим. Обычно, но не сегодня. Сначала в мозгу возник образ белого попугая, орущего «Пиастры! Пиастры!», затем попугая прогнал африканский шаман, что-то кричащий Даше на непонятном языке и бьющий в бубен. Даша не сразу поняла, что удары бубна и вопли шамана есть не что иное, как звуки, доносящиеся из динамиков дискотеки и на самом деле являющиеся обрывками какой-то модной песни, сво-

дившей нынешним летом с ума всю московскую молодежь.

Пришлось выбираться из постели, не включая свет, искать беруши, устраивать их поудобнее и опять пытаться договориться с собственным мозгом относительно того, кто же из них двоих спит. Наконец под звуки очередной зажигательной мелодии она действительно уснула.

* * *

Когда Даша открыла глаза, то первым, что увидела, было ее собственное полотенце. Спутать невозможно — коллеги подарили его на Восьмое марта, и оно ей очень нравилось. На нем был изображен какой-то китайский зверек, не имеющий аналогов в природе, но, по случайному стечению обстоятельств, очень напоминавший саму Дашу — пушистая шерсть, торчащая в разные стороны, большие серые глаза, робкая мордочка, взгляд открытый и вопросительный. Конечно, карикатура на нее, но очень верная и совсем не злая. Да и полотенце оказалось неплохим, к тому же напоминало о тех хороших временах, когда у нее еще были работа и ироничные подарки на Восьмое марта от коллег. И вот теперь этим полотенцем Алина сушила голову перед зеркалом.

— Проснулась? — обернулась она к Даше. — Слушай, здесь в номере полотенце нормальных не предусмотрено, так я твое позаимствовала. Ты не в обиде? Оно здесь быстро высохнет. Собирайтесь, мадам, и отправляемся завтракать и изучать сие прекрасное место.

Даша вздохнула, встала и пошла одеваться. Зайдя в ванную комнату, она прогнала с раковины какое-то местное насекомое, по виду совершенно безобидное, умылась и автоматически вытерлась висевшим на сушилке полотенцем. И только потом заметила, что оно с символикой отеля.

— Алина, что ты говорила про полотенца? — вышла она из ванной. — Вот же, смотри, есть, и очень даже неплохие.

Алина поморщилась.

— Девочка моя, общественными полотенцами я могу в лучшем случае ноги вытереть, но никак не голову, да и тебе не советую. Еще подхватишь какую-нибудь местную, пардон, инфекцию.

Даша аккуратно повесила полотенце на место и обернулась к Алине.

— Алина, — осторожно подбирая слова, начала она, — давай с тобой сразу договоримся. Во-первых, если ты берешь мои вещи, то хотя бы согласуй со мной заранее, а не постфактум. Во-вторых, я далеко не всегда разделяю твои взгляды, и, пожалуйста, советуйся со мной, если, например, ты не даешь чаевых, и во всех подобных случаях. В-третьих, мне не нравится обращение «девочка моя», о чем я тебе говорила еще в Москве. И мне не хочется начинать наш с тобой отдых с нравоучений и выяснения отношений, поэтому, пожалуйста, отнесись серьезно к тому, что я говорю. И, пожалуйста, не бери больше это полотенце. Если у тебя нет своего, могу дать другое. — Она забрала «китайского

ежика», как она его называла, из рук молчавшей Алины и вышла на балкон.

Замечательно. Чудный, восхитительный, изумительный вид на пыльную серую дорогу и несколько грязных магазинов, в которых висит местный ширпотреб. И стоило ехать в Турцию, чтобы любоваться таким пейзажем? «Стоп, — сказала Даша самой себе, — перестань ныть. Сейчас к тебе подойдет Алина, извинится, и вы вдвоем отправитесь завтракать, а потом купаться в море. Ради моря можно стерпеть все, что угодно, тем более такую ерунду, как унылый вид из окна».

Сзади раздались легкие шаги, и Даша улыбнулась про себя.

— Ладно, девочка моя, насчет полотенца учту, — раздался Алинин голос, который Даша, любившая присваивать звукам цвета, почему-то воспринимала как голубоватый с сиреневым оттенком. — Кстати, откуда ты нахваталась умных слов типа «постфактум»? Ладно, можешь не отвечать, знаю, что от меня. Пойдем, а то наши все сожрут.

Ну что ж, решила Даша, будем считать ее слова извинением. Может, Алина просто подружому не умеет. «И не забывай, — сказал ехидный внутренний голос, — вы с ней не подруги и даже не приятельницы. Ты сама затеяла совместную поездку и будешь расхлебывать, если что». Да ну тебя, отмахнулась Даша от него, повесила полотенце на веревку и отправилась одеваться к завтраку.

Через два часа они лежали на берегу моря, и Даша с восторгом смотрела на волны. Они были

синие. Боже мой, подумала она, зачем нужны какие-то сложные слова, описывающие оттенки, если есть такое простое и прекрасное слово — синий. Синее море, синее небо... Почему-то в детстве, когда папа с мамой вывозили ее в Крым «на лечение», она воспринимала море без особого восторга, просто как большую массу воды. Говоря откровенно, озеро рядом с их деревней с чудесным названием Бабушкино казалось ей во много раз интересней, к тому же на нем не было пугающих волн, зато были головастики и лягушки. Но сейчас она понимала, что мама была права, и Море (именно так, Море с большой буквы) — как раз то, что ей нужно. «Жалко только, что так много людей на пляже, — подумала она, — слишком шумно. Хотя они не мешают».

Бац! Надувной мяч стукнул ее по лбу. Даша вскочила с лежака и увидела загорелого парня со светлым ежиком волос на голове, вперевалку подходящего к ней.

— Не убили? — лениво протянул он, наклоняясь за мячом. — Заигрались в волейбол, а тут вы валяетесь.

Вместе с утренним поведением Алины это было чересчур даже для Даши.

— Вы так прощенья просите? — со злостью в голосе отозвалась она. — Проваливайте отсюда вместе со своим мячом.

— Эй, а зачем так грубо? — поинтересовался волейболист.

— Так, что здесь происходит? — раздался голос Алины, которая возвращалась от бара с двумя стаканами сока. — Ага, понятно. Моло-

дой человек, если вы не хотите неприятностей, играйте подальше отсюда. Даш, я тебе взяла яблочный, абрикосового не было. — Алина протянула Даше стакан, в котором плескалось маленькое золотистое море.

— Ага, значит, вы — Даша. — Волейболист нисколько не смутился. — А я — Николай, для вас просто Коля. А вас, девушка, как зовут? — повернулся он к Алине.

— Послушайте, просто Коля. — Алина поставила сок около лежака и начала доставать из сумки крем от загара. — Я понимаю, что ваша задача — развлекать туристов, но мы в ваших услугах не нуждаемся. Я понятно выражаюсь?

— Зря вы так, девушка. — Николай заинтересованно смотрел на Алину. — Может, мои услуги вам еще очень даже пригодятся. Если передумаете и захотите общения — я буду или на площадке, или около первого бассейна. Надеюсь, до скорой встречи! — Парень зачем-то отряхнул мяч от песка и побежал обратно к площадке.

— Алина, как ты определила, что «просто Коля» развлекает туристов? — спросила удивленная Даша. — Я подумала, что он обычный отдыхающий.

— Да по нему сразу видно, что аниматор, — пожалала плечами Алина, сосредоточенно втирая крем в безупречной формы ноги. — Во-первых, загар слишком сильный для туриста, за десять дней не успеть так загореть. Да и за две недели тоже. Во-вторых, отдыхающие так не разговаривают. Я даже не могу тебе объяснить, в чем разница, просто я ее чувствую.

Даша понимала: в чем в чем, а вот в чутье Алине нельзя отказать. За время совместного выбора тура и относительно недолгого перелета она убедилась в этом. Алина почти безошибочно определяла род занятий мужчин, которые заговаривали с ними, с лету могла сказать, кто москвич, а кто нет, у кого есть семья, а кто находится «в свободном поиске».

— А почему ты его так... — Даша замялась, — отшила? В конце концов, он ведь мне попал мячом по голове, а не тебе.

— Даша, ты такая наивная девочка! Он из обслуживающего персонала, понимаешь? Хуже его могут быть только турки, а хуже турок — те турки, которые работают обслуживающим персоналом. Если ты будешь с ними вежливой, они моментально теряют чувство дистанции.

— Ну да, а если не будешь, то сразу становятся хамами. Я на себе проверяла, — грустно заметила Даша.

— Тебе не нужно быть ни вежливой, ни невежливой, — нравоучительно объяснила Алина. — Тебе нужно быть отстраненной. Ну, как если бы ты общалась с пылесосом, понимаешь? О какой вежливости применительно к пылесосу или к посудомоечной машине может идти речь?

Даша задумалась. Посудомоечной машины у нее не было, и она плохо представляла себе, как та выглядит. Но имелся в наличии пылесос, который ее мама обозвала «Ума Турман»: будучи включенным, он начинал завывать совершенно по нотам припева известной песни, которую исполняли двое молодых симпатичных ребят. Правда, пропевшись, он начинал хорошо пыле-

сосить, и Даша каждый раз просила его: «Миленький, ну не пой больше, соседи пугаются». Она была с ним вежливой, вот в чем вся штука.

Даша полежала еще немного, встала и пошла к морю. Оно и вблизи было такое же синее. Ничего не менялось.

• ГЛАВА 2 •

По мнению Даши, кормили в «Сафире» вкусно, по мнению Алины — отвратительно.

— Ты только посмотри на салаттики! — восхищалась Даша, в памяти которой были еще живы те обеды и ужины, которые предлагал советский пансионат «Буревестник».

В детстве, когда родители привозили ее в пансионат, она первым делом срывала несколько веток незрелого еще орешника и делала «беличий запас», как называла мама. На случай голода, объясняла маленькая Даша. Пансионат ассоциировался у нее не столько с чудесными хвойными лесами, в которых они, искусанные комарами, собирали чернику и землянику, сколько с запахом столовой, который она терпеть не могла, — запахом, которым пропитывались, как ей казалось, даже волосы. Пахло лапшой. А еще грязными тарелками и какой-то жутко невкусной едой. Вкусным был только сыр, которым посыпали сверху бесконечные макароны. Даша аккуратно снимала его вилкой и съедала, а макароны и суп оставляла. Даже мама, дома заставлявшая ее съесть все до последней крошки, ничего не говорила на это.

А здесь, в отеле, они питались со шведского стола. Даше представлялись высокие, белокурые шведы, которые наготовили много всего вкусного и расставили в серебристых чанах.

— Ту же самую еду, только более вкусно приготовленную, ты можешь получить в любой питерской забегаловке, — высокомерно замечала Алина. Она была родом из Питера, прожила там почти всю жизнь и в Москву переехала только после развода с мужем.

— В питерской забегаловке совсем не то, — возражала Даша, обедавшая любимыми баклажанами, которые сама готовить не умела. — В питерской забегаловке еда наша, родная, а здесь заграничная, поэтому вкуснее.

— Сказывается, моя дорогая, то, что у тебя первый вояж за пределы нашей родины. Ты слопаешь все, что тебе ни подадут, и будешь растопыривать уши от удовольствия. Вот примерно как сейчас.

— Буду, — миролюбиво соглашалась Даша, пытаясь скосить глаза на свои уши.

Алина начинала смеяться, и тема еды преращалась до следующего ужина.

Несколько раз Даше хотелось сказать Алине, что ей неприятны такие шутки, но каждый раз она сдерживалась. И объясняла самой себе так: «Не хочу портить отношения». Но правда заключалась в другом — она просто-напросто побаивалась Алину. Даша от природы была мягкой и уступчивой, из себя выходила только в крайних случаях.

«Дашка, тебе просто необходимо учиться стоять на своем, — вздыхала ее мама. — Из тебя

же веревки вьют все кому не лень! Или мозги пудрят, а ты и рада».

«Да никто из меня веревок не вьет и ничего не пудрит!» — отбрыкивалась Даша, отлично понимая мамину правоту. Господи, да взять хоть Андрея...

Они начали встречаться, когда ей было двадцать два, а ему тридцать. Красивый, умный, очень обаятельный, Андрей долго ухаживал за Дашей, которая никак не могла поверить, что такой красавчик интересуется ею всерьез. Красавцев она побаивалась и старалась держаться от них подальше, однако от Андрея держаться подальше никак не получалось: он регулярно звонил, приглашал Дашу на концерты и в кино, дарил цветы, причем не стандартные бордовые розы в целлофане, а изысканные, со вкусом подобранные букеты. В общем, «вел осаду по всем правилам», как говорила мама. И в конце концов крепость пала: Дашка поверила, что ему, солидному взрослому мужику, нужны серьезные отношения, а не легкий, ни к чему не обязывающий секс.

Она не знала, как называть Андрея, и долгое время тушевалась, когда нужно было представлять его приятельницам или случайно встреченным знакомым. «Мой парень»? Но Андрей был далеко не парнем, да и звучало это как-то глупо. «Мой друг»? Другом Дашки, именно другом, а не подругой, была Валька Малявина, с которой они были знакомы с детского садика, а потом учились вместе в институте, и применить то же слово, которым она называла Малявку, к Андрею казалось совершенно невозможным. «Мой

жених»? Но Андрей не делал ей предложения, не говорил о совместных планах на будущее, да и сама Даша не ждала ничего такого от него. Она просто наслаждалась каждой минутой их встреч, потому что минуты выпадали не так уж и часто: Андрей был архитектором, довольно известным и востребованным, искренне увлеченным своей работой, и времени на личную жизнь у него оставалось не очень много.

Он снимал квартиру в одном из старых районов Москвы, и по утрам в выходные Даша смотрела из окна на белокаменную церковь, рядом с которой зеленел маленький сквер. Плыли облака, ворковали на крыше голуби, на кровати за ее спиной сопел Андрей, уткнувшись в Дашину подушку, и ей казалось, что счастье будет всегда.

Счастье закончилось в прохладное июльское воскресенье, около полудня, когда дверь квартиры открылась и, пряча ключи в сумочку, вошла броская женщина лет тридцати в дорогом плаще, а за ней — темнобровая девочка с заспанными глазами.

— Вера, сними ботинки, — сказала женщина, скользнув взглядом по оторопевшей Даше. — И пойдти разбуди папу, наверняка он еще спит. Он ведь спит? — обратилась она к Даше, и та только молча кивнула.

Девочка протиснулась мимо нее в комнату, и оттуда через полминуты раздался изумленный голос Андрея:

— Господи, Веруня приехала! А где мама?

— Здесь мама, — отозвалась женщина, сбрасывая плащ. — Ты почему нас не встретил?

Пришлось в вонючем такси трястись, а ты же знаешь, как я не люблю в чужих авто ездить. Верку укачало, разумеется.

Она прошла в комнату следом за дочерью и начала что-то говорить. Андрей отвечал, время от времени вставляя замечания девочка, а Даша стояла в коридоре и тупо смотрела на свои туфли. На носу одной туфли отпечатался грязный след рифленой подошвы — девочка Вера прошла ботинком по Дашиной обуви. Даша присела, полкой юбки протерла туфлю, потом обулась, накинула висевшую на вешалке тонкую рубашку и тихо вышла из квартиры.

— Даша, милая, да мы с ней разводимся!

Спустя неделю она сидела с Андреем в кафе и пыталась что-то расставить для себя по полочкам. Андрей никак не мог понять, в чем проблема и почему из того, что в его жизни имеются бывшая жена и дочь, Даша делает трагедию.

— Мы разводимся! Развелись бы раньше, если бы Милка не торчала по заграницам. У нее родители в Чехии, она в Москву навевывается по нечетным пятилеткам. Да что с тобой? Ты вздумала меня к бывшей жене ревновать? Глупенькая моя...

Он ласково погладил Дашу по руке.

— При чем здесь ревность? — покачала головой Даша. — Я не понимаю, Андрюша, мы с тобой уже год встречаемся, и ты мне ни разу — ни разу! — не говорил о родной дочери. Как так можно? Ведь вы же виделись, она приезжала сюда... И жена твоя приезжала...

— Бывшая, — быстро вставил Андрей. — Мы только формально муж и жена.

«А мы с тобой формально кто?» — хотела спросить Даша, но не спросила. Она смотрела на белые завитки крема на пирожном, которое заказала неизвестно зачем, и вспоминала воркование голубей под крышей.

— Андрей, вот ты обо мне все знаешь, — подумав, сказала она. — Про институт, про работу, про маму с папой. Ты и с Валькой Малявиной, моей подругой, виделся много раз. А я про тебя ничего не знаю.

— Да не выдумывай ты... — начал было Андрей, но Даша его остановила:

— Ты можешь мне объяснить, почему ты мне за год ни разу не сказал о том, что у тебя есть ребенок? — спросила она, подавшись к нему. — Андрей, пожалуйста, объясни! У меня просто в голове такое не укладывается. Есть же какая-то причина!

Он пожал плечами:

— Ну если ты так настаиваешь... Я просто считал, что это касается только меня.

— Он сказал, что это касается только его, — ревела Даша на плече у Вальки Малявиной, вытирая слезы ароматизированными бумажными платочками, которые подсовывала та. Вокруг нее лежало уже с полдюжины скомканных платочков, пахнущих яблоками, и казалось, что в комнате пролили средство для мытья посуды.

— Дашка, но он во многом прав, — рассудительно говорила Валька. — Он взрослый человек, у него своя жизнь, и он не обязан делиться с тобой всеми ее подробностями.

— Ничего себе подробность! — всхлипнула

Даша, комкая очередную бумажку. — Этой подробности уже лет десять!

— Значит, она не имеет для него большого значения, — пожала плечами Валька. — Многие мужчины не считают родных детей важной частью своей жизни.

Слезы у Даши неожиданно высохли. Она высморкалась в последний платочек, подобрала все остальные, сходила на кухню к мусорному ведру и вернулась обратно.

— Знаешь, Валь, а я не хочу встречаться с человеком, который не считает ребенка важной частью своей жизни, — сказала она, теребя в руках новую упаковку платочков. — Не хочу.

Андрей искал пути к примирению так же долго, как и ухаживал за Дашей. Он звонил, встречал ее с работы, пробовал разговаривать с ее мамой. Несколько раз к Даше заходила Валька и сообщала то, что просил передать Андрей. Даше было так тяжело видеть и слышать его, что в конце концов она взяла отпуск за свой счет и уехала на месяц в Бабушкино — прийти в себя и найти какое-то решение. Она возилась с цветами, ездила на велосипеде на речку, вместе с мамой собирала с крыжовника противных мелких гусениц... И к концу месяца твердо знала, что ей нужно быть рядом с Андреем. «И плевать на его детей и бывших жен, на его отношение к детям и женам, — думала она, ожесточенно выпалывая сорняки из грядки. — Это его прошлое, а не мое, и он в самом деле не обязан со мной ничем делиться». Она чувство-

вала себя плохо без его звонков, без его мягких, необходимых шуток, без его присутствия.

Она вернулась в Москву в конце августа и еще неделю набиралась смелости, чтобы позвонить. Бродила около телефона, ругая себя за трусость, выбирала подходящее время, чтобы не попасть на обеденный перерыв Андрея, просчитывала, что он может делать в ту или другую минуту. Наконец позвонила ему на сотовый и с удивлением выслушала сообщение о недоступности абонента. Позвонила вечером еще раз — с тем же результатом. Странно... Помнится, Андрей повсюду таскал свой маленький дорогой телефончик, говорил, что не хочет пропустить ее звонок из-за какой-нибудь глупости.

Даша позвонила в квартиру, которую он снимал, но тоже не дождалась ответа. Совсем растерявшись, не понимая, что случилось, Даша поздно вечером поехала к нему домой, надеясь, что с телефонами произошла какая-нибудь ерунда, Андрей их просто отключил, а сам сидит на диване живой и здоровый. И очень обрадуется, увидев ее.

Андрея дома не оказалось. Она напрасно нажимала на звонок, откликавшийся изнутри мелодичной трелью, напрасно из двора заглядывала в окна верхнего этажа, пытаясь разглядеть свет за задернутыми шторами. Света не было. Даша вернулась к себе, побродила по квартире и, решив, что придумает что-нибудь утром, улеглась спать.

Но утром ничего не придумалось. Был будний день, телефоны Андрея по-прежнему не отвечали, а снова ехать к нему казалось бес-

смысленным. Перебирая все возможные варианты и представляя себе Андрея в отделении какой-нибудь больницы, Даша запаниковала. Она позвонила Вальке Малявиной, запоздало подумав, что стоило бы сделать это раньше, но и Валька ничего не знала.

— Валенька, что же мне делать? — спросила бледная Даша, сидя с Валькой за столиком кафе. — Как мне его найти?

— А ты на работу звонила? — хмуро спросила Валька, которой нужно было работать, а не решать Дашины сложности.

— Я его рабочий телефон не знаю, — покачала головой Даша.

— Как не знаешь?

— Просто — не знаю, и все. Я всегда на сотовый ему звонила, рабочий был мне не нужен.

— Ну, мать, ты даешь, — покачала Валька коротко стриженной головой. — А телефон какого-нибудь его друга? Приятеля, коллеги? Твой Андрей ведь знает мой телефон, и адрес, кстати сказать, тоже.

— Валя, я вообще с его друзьями незнакома, — тихо сказала Даша. — Он про них не говорил. Иногда упоминал про коллег, но телефоны...

Она не договорила. Валька пару секунд смотрела на нее, потом решительно встала и потянула Дашу за собой.

— Вставай, поехали. Поехали, тебе говорят! А то так и будешь сидеть бледной коровой... Тоже мне, ни одного телефона она не знает! Вставай, вставай!